

Часть первая

ЯВЛЕНИЕ

Ранней весной Ларт отправлялся в один из своих во-
яжей — как всегда, неожиданно и, как всегда, спешно.

Весь день перед отъездом прошел, как в лихорадке. Ларт
был угрюм, что бывало с ним часто, и вроде бы растерян,
чего с ним никогда не случалось. Несколько раз собирался
мне что-то сказать — и раздраженно умолкал. Я нервничал.

Выехал он на рассвете, снабдив меня множеством инст-
рукций. Я должен был исполнить несколько мелких пору-
чений в поселке, привести в порядок дом, собрать дорож-
ный сундучок и вечером встретиться с Лартом в порту, что-
бы на закате поднять паруса.

Проводив его взглядом, я вздохнул свободнее.

Управиться в поселке было несложно — там меня счита-
ли «учеником чародея», а такое отношение здорово упро-
щает жизнь. Глупо же объяснять всем и каждому, что ни-
когда я не был Лартовым учеником. Служкой — да; горнич-
ной, дворецким и мальчиком на побегушках в одном лице —
кем угодно, только не учеником. Тем не менее в поселке
меня встречали, как вельможу, а трактирщик наливал мне
в долг.

Вернувшись в дом на холме и кое о чем поразмыслив, я
сообразил, что, проявив расторопность, успею по дороге в
порт попрощаться с Данной. Эта мысль придала мне резво-
сти, и скоро Лартовы покои заблестали чистотой, а сунду-
чок чуть не оборвал мне руки, пока я вытаскивал его в при-
хожую.

И тут, в прихожей, я вспомнил про последнее из хозяй-
ских поручений.

Уже поставив ногу в стремя, Ларт поморщился болезненно, поколебался (неслыханное дело!) и вытащил из кармана вчетверо сложенную бумажку.

— Да... — буркнул он раздраженно. — Когда луч достигнет колодца, прочитай это вслух и внятно там же, в передней. Желательно ничего не перепутать, не опоздать на пристань и поменьше болтать. Это все.

В таком поручении не было ничего сверхъестественного — подобное мне приходилось делать и раньше. Конечно, лестно было воображать себя магом, но, честно говоря, не хуже бы справился и попугай, умеет он читать...

В прихожей царил полумрак, ибо посетители волшебника должны немедленно проникаться благоговейным страхом.

Я и сам им проникся, когда впервые переступил порог Лартова дома. Все началось с того, что полочка для обуви укусила меня за щиколотку... Такое забывается не скоро.

Я поставил сундучок у двери.

В потолке имелось круглое отверстие, сквозь которое в солнечные дни пробивался луч — узкий и острый, как вязальная спица. За день он проходил путь от оленьих рогов над входной дверью до гобелена на стене напротив.

Под гобеленом, где всю трубили охотники с соколами на рукавицах, выдавался прямо из стены чрезвычайно неприятный колодец, из которого тянуло плесенью. Луч имел обыкновение заглядывать в него после полудня. Этот час и имел в виду Ларт, когда давал мне поручение.

Покончив с сундучком, я устроился в кресле слева от двери и стал ждать, пока магический, но крайне нерастойропный луч сползет с ковра и взберется на сырую кладку колодца.

Время шло, я отдыхал от утренних трудов, радовался предстоящему путешествию и разглядывал давно и до мелочей знакомую переднюю мрачноватого Лартова дома.

Прямо передо мной располагалось так называемое лохматое пятно — в этом месте постоянно отрастала шерсть на ворсистом ковре, и в мои обязанности входило регуляр-

но ее подстригать, уравнивая с остальной ковровой поверхностью. Остриженную шерсть я собирал в полотняный мешочек, надеясь со временем связать себе шарф.

А справа от меня, по другую сторону двери, помещалось зеркало, которое я всегда обходил стороной и даже пыль с него стирал, отвернувшись. Ларту оно служило, как собака, угодливо показывало его отражение со всех сторон и, моему, помогало завязывать шейный платок. Мою особу оно не отражало никогда, а норовило напугать жуткими, ужасно правдоподобными и часто противными изображениями. Сейчас оно чернело, как поверхность стоячего озера в темной чаще.

Массивный платяной шкаф хозяин никогда не открывал, но я каждую субботу перетряхивал его, шкафа, содержимое. Особенно много возни было с железными латами — их ведь надо полировать суконкой.

А мрачное чудовище в углу у Ларта называлось вешалкой. Трудно сказать, на что она была больше похожа — на больное дерево или скелет уродливого животного. Три года назад Ларту подарил это сооружение кто-то из дружков-кодунув, я, помнится, еще подумал, что хозяин поблагодарит и уберет его в чулан, так нет же, он выставил подарочек на видное место и велел мне вешать на него плащи визитеров. И получилось как-то незаметно, что в доме, где полно чудес и диковин, эта вешалка оказалась едва не самой странной странностью — Ларт явно выделял ее среди остальных предметов. То лицо воротил, проходя мимо, то усмехался как-то неприятно, а однажды всыпал мне за то, что я, мол, слишком ее нагрузил. Ларт, впрочем, и есть Ларт — что взбредет ему в голову, предсказать невозможно.

Сейчас на этой искореженной рогатине висела только моя куртка, бирюзовая с золотом, купленная осенью на окружной ярмарке. Ларт, помнится, что-то проворчал насчет моего вкуса, но Данне куртка определенно понравилась.

И мысли мои невольно переметнулись к Данне — она ведь лучшая девушка в поселке, а я чужак, не очень краси-

вый и не самый сильный, но она выбрала меня, потому что я — «ученик чародея», а значит — за мои особые качества. Так я втихомолку радовался, пока не увидел, как луч преспокойно выбирается из колодца.

Я успел покрыться потом, пока разыскал в карманах мятую бумажку, сложенную четверо.

Ларт писал, конечно, не колдовскими рунами, а крупными печатными буквами, как в букваре, — чтоб и заяц мог разобрать. И все равно я здорово изломал себе язык, пока дочитал до половины, а когда дочитал, то вообще пожалел, что взялся. Воздух вдруг наполнился звенящим напряжением и задрожал, как над костром; я в панике выкрикивал эти полупристойные звукосочетания, не слыша себя. Заклинание заканчивалось таким повелительным возгласом, Ларт даже отметил его восклицательным знаком; у меня это вышло, как вопль придавленной кошки. И как только этот вопль стих...

Уже давно что-то, замеченное боковым зрением, мне мешало. Сейчас я резко повернул голову и увидел, как вешалка выгибается от верхушки до основания, будто сотрясаемая конвульсиями. Я не первый год у Ларта на побегушках и повидал всякое, но это, поверьте, было очень страшно. И прежде чем я смог вытолкнуть застрявший в горле крик, на месте вешалки обрушился на пол человек.

Я не сразу сообразил, что это человек. Он лежал бесформенной грудой на ворсистом ковре, а я стоял в противоположном углу и боялся пошевелиться. Вот так так, и эта вешалка торчала в прихожей три года...

Человек пошевелился, судорожно дернулся и поднял на меня сумасшедшие глаза. Я попятился; он вскочил и перевел взгляд на свои руки. В правой была зажата моя бирюзовая с золотом куртка. Он замычал и с отвращением попытался ее отбросить, но пальцы, по-видимому, не слушались. Тогда он левой рукой разжал пальцы правой и швырнул мою куртку в угол, как вещь исключительно гадкую, так что мелочь из карманов рассыпалась по всей прихожей. Потом снова уставился на меня (в глазах ни тени мысли),

опять перевел взгляд на руки и стал вдруг ощупывать себя с головы до ног, всхлипывая все громче и громче, пока не захохотал (или заплакал) и не сполз по стене обратно на ковер.

Я знал раньше, что маги занимаются подобными вещами, но никогда не предполагал, что Ларт, мой хозяин, на такое способен.

А человек смеялся, теперь уже точно смеялся, и катался по полу. Я совсем уж было уверился, что это сумасшедший, когда он вдруг замер и зажал себе рот рукой. Потом прохрипел, не глядя:

— Дай воды.

На кухне я вспомнил-таки: вешалку эту преподнес хозяину его вечный соперник Бальтазарр Эст в знак очередного примирения.

Когда я вернулся в прихожую, тот человек уже взял себя в руки. Лицо его, правда, еще было безжизненно-серым, но из глаз исчезло паническое выражение; он сидел, привалившись спиной к стене, и массировал лоб и щеки, возвращая им человеческий цвет.

Я протянул ему стакан, он выпил до дна, стуча зубами о стекло. Поставил опустевший стакан, перевел дух и посмотрел мне прямо в глаза:

— Значит, таков был его приказ?

Я не стал выяснять, чей это — «его», и кивнул.

— Что дальше?

Его плохо слушался язык, но он прямо-таки буравил меня глазами.

— Дамир...

Вот как, он меня знал!

— Дамир, что он еще приказал?

Я сглотнул и пожал плечами.

— Я так понял, — хрипло продолжал он, — что могу... убираться восвояси?

Я глупо улыбнулся.

Он встал, держась за стену. Двинулся к двери. Обернулся:

— Хорошо. Ладно. А теперь... Передавай ему привет. Просто привет от Маррана.

Я стоял на пороге и смотрел, как он уходит, едва переступая негнушимися ногами.

* * *

...Это было безумие — передавать ему привет. Это было пустое и глупое бахвальство.

Странный и нелепый человек шагал по дороге. Когда-то его звали Руал Ильмарранен, по кличке Марран.

Ноги на желали подчиняться, потому что за три предыдущих года им не пришлось сделать и шага. Руки, неестественно выгибаясь, судорожно хватали воздух, ловя несуществующие воротники плащей и курток. Пасмурное весеннее небо было слишком светлым для привыкших к полумраку глаз.

По дороге к поселку шагала ожившая вешалка господина Легиара.

Марран силился и не мог удержать надолго ни одной, самой пустяковой мысли. Вот дорога, думал он, опустив голову и вглядываясь в раскисшую глину. Это вода. Это песок. Это небо. Тут он пошатнулся, неуклюже пытаясь сохранить равновесие, но не удержался и упал, как падает деревянная палка. Прямо перед глазами у него оказался жидкий кустик первой весенней травки. Это трава, подумал он безучастно.

Откуда-то из глубин отупевшей памяти явился сочно-зеленый луг, над которым деловито вились цветные бабочки, и бронзовая ящерица на горячем плоском камне.

Марран с трудом перевернулся на спину, оттолкнулся от притягивающей к себе земли, руками согнул сведенную судорогой ногу — встал, шатаясь.

Воспоминание помогло ему, позволив хоть немного приостановить хаотически несущийся поток бессвязных мыслей. Он уцепился за один, самый яркий образ: ящерица, ящерица...

Девочка-подросток, чьей самой большой гордостью было умение превращаться в ящерицу. И мальчишка, над этой ее гордостью смеющийся.

«А в саламандру умеешь? А в змею? А в дракона? Ну, посмотри на меня! Ведь это так просто!»

Мальчишке ничего не стоило скакать кузнечиком, гудеть майским жуком — а она умела тогда превращаться в ящерицу, и только. Мальчишка наслаждался своим превосходством, хлопал пестрыми сорочьими крыльями прямо над ее головой — она с трудом сдерживала злые слезы.

«Ну хватит, Марран! Убирайся, можешь больше не приходить!»

Марран вздрогнул.

Он стоял на холме, под его ногами качалась раскисшая дорога, а прямо перед ним лежал в долине поселок. Вились теплые дымки над крышами.

Он не принимал решение — ему просто больше некуда было идти.

Непослушные ноги знали дорогу, но шли медленно, так медленно, что он добрался до места поздним вечером. Калитка не была заперта. Дом засыпал — слабо светилось последнее, бессонное окно.

Марран встал у двери, не решаясь постучать. Затуманенное сознание понемногу прояснялось — и по мере этого прояснения ему все сильнее хотелось уйти.

Но тут дом проснулся.

Что-то обеспокоенно спросил женский голос, застучали шаги по лестнице, осветились окна... Женский голос повторил свой вопрос нервно, почти испуганно.

Дверь распахнулась. На Маррана легла полоса теплого, пахнущего жильем света. Он заморгал полуослепшими глазами.

Та, что стояла в дверном проеме, пошатнулась и едва удержала фонарь.

...На обеденном столе горели две свечи. Топилась печка; шели вокруг чугунной дверцы светились красным.

Он сидел, уронив голову на руки. В полубреду ему виделась ящерица на горячем камне.

— ...слышишь меня?

Он с трудом поднял голову. Женщина стояла перед ним с бокалом темной жидкости в трясущихся руках:

— Выпей...

Он начал пить нехотя, через силу, но каждый глоток возвращал ему власть над мыслями и способность облекать их в слова.

— Три года... Три года, Ящерица...

Женщина запрокинула голову, закусила губу:

— Я вдруг почувствовала твое присутствие. Я понял, что ты пришел...

— Прости.

Она сдавленно рассмеялась:

— А я всегда чувствовала, что ты идешь... У меня голова начинала болеть, и я думала — опять негодный Марран...

Он попытался улыбнуться:

— Да?

Она раскачивалась на скамейке, глядя на него странным, не то насмешливым, не то растерянным взглядом.

— А помнишь, как ты мне хвост оторвал?! И потом носил на шее, на цепочке...

— А потом потерял...

— А я себе новый хвост отрастила...

— А помнишь, как ты меня дразнила? Марран — противный таракан...

— И еще Марран — хвастливый барабан...

— И облезлый кабан...

Она зашлась смехом:

— Не было кабана, это ты только что придумал... — И продолжала сразу, без перехода: — А ты живой, Марран... Ты живой все-таки...

Ее смех оборвался.

— Я виноват перед тобой, Ящерица, — сказал с длинным вздохом ее собеседник. — Не надо было приходиться.

В соседней комнате завозился, заплакал ребенок. Женщина по имени Ящерица вздрогнула, решительным мальчишеским движением стерла слезы и вышла, прикрыв за собой дверь. Маррану показалось, что огонь в печи почернел.

Женщина вернулась, бросила на собеседника быстрый испытующий взгляд — тот ответил неким подобием улыбки:

— Мальчик или девочка?

— Мальчик, — отозвалась она сухо.

Он попытался снова вспомнить сочно-зеленый луг — и не смог. Краски его видений разом выцвели, поблекли.

Пауза затянулась. Ящерица, заламывая пальцы, села за стол напротив Маррана.

— Мой муж — прекрасный человек, Руал, — наконец сказала она, подавив не то вздох, не то всхлип.

Черный огонь в печи жадно пожирал седеющие поленья.

— Он не маг, и я теперь тоже не хочу иметь с магией ничего общего, — продолжала она с внезапной надменностью. — Слишком дорого обходится вражда господ колдунов, а дружба — еще дороже... Это все, что ты хотел бы знать?

Марран не ответил.

Сделав над собой усилие, он встал, взял свечу со стола, обернулся к овальному металлическому зеркалу на стене. Поднес свечку к лицу... Рука дрогнула.

— Марран — хвастливый барабан... Похоже?

Она не отозвалась, подавленная. Тогда он попросил тоскливо:

— Догадайся, Ящерица... Догадайся, что со мной...

— Ларт и Эст объединились против тебя, взяли в клещи...

— Да... Но это не все.

— Они одолели тебя... Ты стал вещью, мебелью...

— Да. Но это еще не все.

— Тебе плохо...

Он свирепо обернулся:

— «Плохо»? Я... — Осекся. Выдохнул сквозь сжатые зубы и сказал спокойно: — Я просто больше не маг, Ящерица.

Она стояла в полумраке, где он не мог разглядеть ее лица.

— Как ты сказал?

— Как ты слыхала.

Она медленно опустила на скамейку.

— Это ты... Ты-то... Как же? Кто же ты теперь?

Он отчеканил зло:

— Бывший волшебник. Отставной кавалер. Ненужная вещь, которую потеревили-подергали да и вышвырнули вон. Вышвырнули и забыли и с тех пор прекрасно без нее обходятся!

Она не удержалась и всхлипнула — громко и жалобно.

Марран криво усмехнулся:

— Не отчаивайся... Вот прекрасный случай предложить мне покровительство.

Она смотрела на него потрясенно. Хотела что-то сказать — и не решилась. Сникла, машинально принялась водить пальцем по краю блюда. Потом снова набрала в грудь воздуха — и выдохнула, так и не проронив ни слова. Заколебалось пламя свечи.

Он оторвал глаза от скатерти:

— Ладно, говори...

Она покусала губы и выговорила, глядя в сторону:

— Можешь ругать меня, говорить, что хочешь... Ты всегда любил меня оскорблять... Но объясни! Объясни, что произошло между вами... Это какое-то затмение... Ты был...

— Любимцем судьбы.

Женщина быстро глянула на собеседника — тот скалил зубы.

— Ну, посмейся... Самое время нам посмеяться... Светлое небо, да Легиар прощал тебе то, что никому на свете не прощал! Господин Бальгазарр Эст, это мрачное чудовище — и играл с тобой на равных! И как вышло...

Она запнулась. Он смотрел на нее с сосредоточенным интересом:

— Ну, продолжай.

— Я хочу спросить, Руал, за что тебя... Только не ври.

Он чуть усмехнулся:

— А ты как думаешь?

Она помедлила. Опустила глаза:

— Я думаю... Что ты сам доигрался. Крутил, вертел, куражился... Есть вещи, за которые...

Лицо его вдруг застыло — и она испугалась. Пробормотала, будто оправдываясь:

— Но была же причина...

Радостно возопил первый утренний петух. Крик этот, не принеся Руалу облегчения, подсказал выход:

— Сейчас рассветет — и я уйду.

— Куда?

— В дальнюю дорогу. Не бойся, я не собирался злоупотреблять гостеприимством... твоей семьи.

Она вспыхнула:

— Ну и не надо было приходить!

— Ну и напрасно пришел...

— Ну и напрасно!

Он шагнул к двери — и наткнулся в полумраке на тяжелую рогатую вешалку.

Его отбросило, будто ударом гигантского кулака. Задышавшись, он упал на пол, закрывая лицо руками, забился в судорогах...

Она в спешке наполнила стакан темной жидкостью, бормотала заклинания, плела руками сложное невидимое кружево...

Марран не сразу пришел в себя. Он долго смотрел в приоткрывшуюся дверцу печурки, приговаривая про себя: «Это огонь. Это огонь».

— Руал, очнись... ЭТО прошло... Теперь ты снова жив и будешь жить...

Что-то неприятно хрустнуло. Марран раздавил в руке

стакан с остатками напитка и теперь наблюдал безучастно, как белую салфетку пятнают черные капли крови.

— Господин Легиар так презирает меня, что не соизволил самолично снять заклятие... Послал мальчишку...

Она устало вздохнула и, принимая из его рук осколки, осторожно провела пальцем по линии пореза.

— Послушай меня, Руал. Ты никогда меня не слушал — послушай хоть раз. Ничего не вернуть и ничего не исправить. Забудь о НИХ, и ты будешь жив...

И она поставила на стол совершенно целый стакан.

Марран разглядывал руку — глубокий порез на ней быстро затягивался.

Скрипнула кровать в соседней комнате. Его собеседница насторожилась было, но ребенок, пошевелившись, затих. Женщина испытующе глянула на Маррана — и глаза их встретились.

— Ничего не исправить... — проговорил он с трудом. — Ты права... Ящерица отращивает потерянный хвост много раз, до бесконечности. Но не всем так везет...

— Руал, — сказала она решительно. — Я помогу тебе во что бы то ни стало.

Он обнажил зубы в нехорошей усмешке:

— Спасибо. Я знал, что обязательно получу нового кровителя... вместо старых!

Она поднялась:

— Ты не смеешь так со мной разговаривать!

— А ты преврати меня во что-нибудь, — посоветовал он без улыбки. — Увидишь, как это просто теперь. — И тоже встал.

Они стояли друг против друга, и ей приходилось задирать голову, глядя ему в глаза.

И тогда он ее обнял.

Растерявшись, она забилась, как пойманная пичуга. Он оторвал ее ноги от земли и поднял так, что их лица оказались на одном уровне. Она ослабела.

— Прощай, — сказал Руал Ильмарранен по кличке Мар-

ран. — Прощай, Ящерица. Я не приму твоего покровительства, как ты когда-то не приняла моего.

И он осторожно поставил ее на пол.

Они снова смотрели друг другу в глаза, и она задирала голову выше, чем надо, — чтобы слезы вкатились обратно. Он улыбнулся с трудом — тогда она встала на цыпочки и быстро поцеловала его в запекшиеся губы, чтобы в следующую секунду резко оттолкнуть.

За окном светало — женщина по имени Ящерица отошла к окну, отвернувшись от Маррана.

— Все, — сказала она глухо. — Теперь уходи.

Догорали свечи. На столе осталась белая салфетка, запятнанная каплями крови.

* * *

...Когда я добрался до пристани, солнце уже садилось в горку безмятежных золотых облаков. Ларт виден был изда-лека — одетый во все черное, как и подобает странствующему магу, он взад-вперед расхаживал по пирсу. Ветер живописно развеивал его длинный плащ.

Я смиренно поставил дорожный сундучок у высоких ботфортов.

— Ну? — спросил он скучным голосом.

Я доложил, опутив, впрочем, последний эпизод.

— Это все? — осведомился Ларт, наблюдая за приближающейся шлюпкой.

Я собрался с духом:

— Вам привет, хозяин. От некоего Маррана.

Шлюпка неуклюже привалилась к пирсу. Ларт покусал губу и ничего не ответил. Тогда я обнагел:

— И попрошу, если можно, в будущем избавить меня от подобных испытаний.

Не ответив ни слова, он круто повернулся и пошел прочь, навстречу матросам из шлюпки, которые, кланяясь и приседая, приглашали нас занять места на зафрахтованном суденышке.

В каюте на двоих, самой роскошной на этой посудине и все равно удивительно тесной и темной, я разбирал багаж, слушая доносившийся с палубы через приоткрытое окошко разговор Ларта с капитаном. Они уточняли курс: хозяйина, как всегда, тянули рифы и мели, шкипер несмело возражал. Наконец звякнули монеты, и разговор был свернут. Заскрипели ступеньки, противно подпела дверь, каюта наполнилась сначала мутным вечерним светом, а затем Лартом, который за все задевал кончиком шпаги и вполголоса ругался. Я помог ему снять плащ. С палубы доносились поспешные команды, грохот якорной цепи и суматоха отплытия.

Ларт обрушился на койку, не снимая сапог. Я стал зажигать свечку, в этот момент суденьшко качнулось, и я чуть было не свалился на хозяина. Ответом было презрительное мычание. Я извинился.

Кораблик лег на курс, наполнив паруса вечно попутным по Лартовой милости, но от этого не менее холодным ветром. Этот ветер пробрал меня до костей, пока я ходил справляться об ужине. Вернувшись, я застал хозяина в той же позе и в том же состоянии духа.

— Нас накормят, — сообщил я, усаживаясь. Ларт отозвался невнятно.

Проследив за его неподвижным взглядом, я с трудом разглядел на темном потолке толстого паука в паутине. Я не думал, что на корабле могут быть пауки, но деловито осведомился:

— Убрать?

Ларт не ответил.

Некоторое время мы слушали завывания ветра и плеск воды за бортом.

— Значит, он передавал мне привет? — заговорил со мной Ларт впервые за этот вечер.

— Горячий, — ответил я осторожно.

— А потом?

— Потом ушел.

— Далеко?

— Я не следил за ним, хозяин.

— И приключение тебе не понравилось?

— Никоим образом.

— Мне тоже, — буркнул он и повернулся лицом к стене.

Но на этот раз молчание длилось недолго.

— Предательство, — сказал Ларт в стену. — Предательство не прощается, Дамир.

Мне вдруг стало жарко — показалось, что он намекает на меня. Я в ужасе стал перебирать в уме свои дела и поступки, гадая, какой из них мог рассердить Ларта, но тут он продолжил свою мысль и отвел от меня подозрение.

— Руал Ильмарранен, — пробормотал он, обращаясь к пауку. — Двойное предательство.

Я тихонько вздохнул с облегчением и тут же насторожился, догадавшись, о ком идет речь.

— Да, — сказал Ларт, будто отвечая на мои мысли. — Марран.

И тут меня осенило: а я ведь его знал! Я делал первые шаги у Ларта на службе, когда этот нахальный и самоуверенный субъект был, помнится, его любимцем.

— Марран, — тем же отрешенным голосом продолжал Ларт. — Маг милостью небесной. Со временем он перерос бы и Эста, да, возможно, и меня... Не успел. Поторопился предать нас обоих. Наказание справедливо.

Он еще хотел что-то сказать, но тут снаружи послышались удивленные крики. Я поспешил выбраться на палубу.

Был темный, беззвездный вечер, мы неслись на всех парусах, а над нами, чуть не задевая за снасти, кружилась белая птица. Птица хрипло кричала, попадая в мутный свет фонарей, а оказываясь в темноте, излучала собственное слабое свечение. Матросы толпились на палубе, задрав головы.

Я быстро спустился в каюту:

— Хозяин, к вам пришли.

Как только Лартова голова показалась из дверного проема, птица камнем кинулась вниз и мертвой хваткой вцепилась коздуну в плечо. Ларт поморщился, а птица склони-

лась к его уху и с огромной скоростью застрекотала некое сообщение. Выслушав несколько слов в ответ, она захлопала крыльями, сорвалась с Лартова плеча и, уронив на палубу помет, канула в темноту. Все свидетели диалога шумно перевели дыхание, а мой хозяин молча вернулся в каюту.

...До поздней ночи я сидел в кубрике, ел до отвала, пил и делился подробностями из жизни магов. Слушатели смотрели на меня с ужасом и восторгом.

Пошатываясь и потирая живот, я едва добрался до каюты.

Лартов ужин, оставленный мною на столе, стоял нетронутый и давно остыл. Свеча почти догорела.

Мой хозяин сидел на койке, подобрал под себя ноги. Рядом, ткнувшись эфесом в подушку, лежала шпага.

Я остался стоять у двери, переступая с ноги на ногу.

— У нас перемены, — мрачно сообщил Ларт. — Мы меняем курс и завтра высадимся на берег.

* * *

...Это было первое утро за последние три года.

Марран шел проселочной дорогой; ноги, особенно левая, слушались с трудом. Дважды он упал — один раз очень сильно, поскользнувшись на предательски подмерзшей за ночь лужице, и ссадил себе ладони и щеку. Единственный человек, встретившийся Маррану по дороге, был пастушок со стадом овец; мальчишка, по-видимому, хотел что-то спросить у измученного странника, но испугался и не спросил.

Первой радостью Руала на этом пути было солнце, пробившееся наконец сквозь утренний туман.

Руал надеялся согреться с его появлением — и не согрелся. Ждал, когда пройдет тошнотворная слабость — но она не проходила, а, наоборот, наваливалась все сильнее по мере того, как Руал уставал. А уставал он быстро.

Впереди показался мостик, изогнутый, как дужка ведра, и такой же тонкий. Ильмарранен решил отдохнуть, прива-

лившись к удобным широким перилам. Последние шаги оказались кошмаром.

Второй радостью Руала была минута, когда он повис-таки на перилах и увидел внизу свое неясное отражение в темной бегущей воде.

Некоторое время он безучастно смотрел на себя-под-мостом, потом водная гладь вздыбилась у него перед глазами — невыносимо закружилась голова.

...Когда-то река была теплой, кристально чистой, и в самую темную ночь он различал в потоке плывущую впереди серебряную форель.

Он и сам был форелью — крупной, грациозной рыбной, и ему ничего не стоило догнать ту, что плыла впереди.

Она уходила вперед, возвращалась, вставала поперек реки, кося на него круглым и нежным глазом. Он пронюхнул мимо нее, на миг ощутив прикосновение ясной, теплой изнутри чешуи, и в восторге выпрыгивал из воды, чтобы мгновенно увидеть звезды и поднять фонтан сверкающих в лунном свете брызг.

Потом они ходили кругами, и круги эти все сужались, и плавники становились руками, и не чешуи они касались, а влажной смуглой кожи, и весь мир вздрагивал в объятьях счастливого Маррана...

А потом они с Ящерицей выбирались на берег, потрясенные, притихшие, и жемчужные капли воды скатывались по обнаженным плечам и бедрам...

...Порыв ледяного ветра подернул воду рябью.

Под вечер мучительного бесконечного дня он увидел мельницу.

Она стояла, как и раньше, в стороне от дороги, за поворотом реки.

Но вода не шумела, обвалилось мельничное колесо. На мельнице царило полное и давнее запустение.

Руал подошел ближе. Из разбитого окна выпорхнул воробей.

Ильмарранен проводил его взглядом.

...Мельник Хант держал мальчишек-подмастерьев в черном теле — они тяжело отработывали на мельнице каждый урок магии.

Хант был средней руки колдуном, но незаурядным бабником — окрестные девушки и молодницы хаживали к нему гадать, привораживать женихов и сживать со света соперниц. Не задаром, конечно.

У мельника были влажные, цвета речной воды глаза — пристальные и насмешливые, прозрачные и непроницаемые одновременно. О нем ходили скверные слухи. Опровергнуть или подтвердить их могли только те утопленники, чьи тела время от времени попадали в рыбачьи сети вниз по реке. Впрочем, люди иногда тонут сами по себе, и если даже среди них случится подмастерье с мельницы или бывшая Хантова подружка — что ж, это не такой уж повод для страшных подозрений.

Хант приходился вассалом Балтазарру Эсту и платил ему дань. Подмастерья шептались о совершенно невероятных формах, которые эта дань принимала.

Конечно, мельник Хант по своему положению был много ниже блестящего господина Руала, и неизвестно, какой каприз великолепного Ильмарранена сблизил их. Во всяком случае, между мельником и Руалом установились живые, почти приятельские отношения.

К приезду Маррана накрывался стол — Хантова служанка, робкая тощая девушка, сбивалась с ног. Она мучительно стеснялась, прислуживая господину Ильмарранену, краснела и роняла посуду. Марран иногда снисходительно пощипывал ее за единственное выдающееся место — нос.

Подмастерья выстраивались вдоль стены, пялясь на заезжую знаменитость и перешептываясь. Младший до смерти боялся тараканов — и господин Руал охотно потешал публику, превращая его сотоварищей в стаю огромных черных насекомых. Поднималась возня, маленький подмастерье визжал, вспрыгнув на стул, а мельник Хант загадочно

улыбался, пуская кольца дыма из своей трубки. Наблюдая эту сцену, господин Руал веселился от души.

Впрочем, странная дружба мельника и Маррана готова была зайти в тупик к моменту, когда на Ханта, его мельницу и уплачиваемую им дань пожелал заявить претензии господин Ларт Легиар, постоянно расширяющий территорию своего влияния и подчинивший себе уже весь левый берег.

Великие маги перегрызлись, как псы.

Мельник охал и жаловался Маррану на притеснения и претензии с двух сторон. Господин Руал, удивительным образом ухитрявшийся поддерживать дружбу с обоими соперниками, ободряюще хлопал Ханта по плечу и усмехался покровительственно.

И вот лунной весенней ночью в столешницу дубового обеденного стола был вогнан длинный охотничий нож — так делается, когда двое хотят побиться об заклад.

Подмастерья, поднятые с постелей, служанка в халате и разгоряченный небывалым пари мельник толпились с одной стороны стола, а с другой его стороны высился Ильмарранен:

— Двадцать золотых, мельник! Я ставлю двадцать золотых, что скажешь?

Хант грыз ногти, не переставая загадочно усмехаться:

— Я бы поднял ставки, господин Руал... Уж больно сомнительное это дело... Любого из них мудрено провести, а уж обоих...

Не зря, ох не зря набивал цену Хант! Пари сулило потеху, но и риск тоже, ибо господин Руал брался — ни более ни менее — оставить в дураках и Легиара и Эста. Шутка ли — явиться к Эсту в Лартовом обличье и так спутать все карты, чтобы маги отказались от мельницы по доброй воле... Впрочем, известно ведь, что господин Руал — мастер мистификаций и розыгрышей...

— Посмотрим! Пятьдесят, чтобы не мелочиться. — Конечно, он был уверен в успехе.

Мельник покончил с ногтями и принялся за пальцы:

— Рискуете, господин Руал... Но так тому и быть... Я согласен.

— По рукам? — взвился Ильмарранен.

Мельник протянул сухую короткопалую руку, и над воткнутым в столешницу ножом было заключено пари... Старший подмастерье разбил руки спорящих вялым нерешительным ударом. Громко икнула сонная служанка — а господин Руал расхохотался, обернулся яркой растрепанной птицей и вылетел в приоткрытое окно...

...На заплесневевшем обеденном столе до сих пор темнел глубокий след ножа. Окна разбились, полуоткрытая дверь вросла в землю. Посреди двора догнивала груда пустых мешков.

Ильмарранен повернулся и зашагал прочь.

...Печальная женщина по имени Ящерица склонилась над столом, вглядываясь в темные пятна на белой салфетке. Возился в люльке маленький мальчик — агукал, улыбался, пытался поймать кружащиеся над ним прямо в воздухе цветные шары... Из наполовину прищторенного окна било радостное весеннее солнце, в ярком его потоке волшебные шары покачивались, радужно переливались, то ловко уворачиваясь от маленьких ручек, то прилипая к ладошкам. Малыш смеялся.

Его мать нежно разглаживала складки белой ткани, стараясь не касаться пятен крови. Вскоре под ее взглядом они медленно вернули свой красный цвет и ровно засветились изнутри.

* * *

Мы шли, по щиколотку увязая в сыром песке. Мыс остался позади, и суденышко скрылось из виду. Вместе с ним из виду скрылись завтраки, обеды, ужины, крыша над головой и увесистый дорожный сундучок.

Мы шагали налегке — молчаливый Ларт впереди, я следом. На каждый его шаг приходилось полтора моих.

Слева тянулась полоса прибоя, справа — бесконечная каменная гряда. Сюда можно было только приплыть или прилететь.

У меня промокли башмаки. Я догнал Ларта и поплелся рядом, преданно заглядывая в неприятно желчное лицо.

— Хозяин, близится время обеда. Я-то готов сносить превратности пути, но вы обязательно должны регулярно питаться.

— За что я его держу? — угрюмо спросил себя Ларт.

Я поотстал.

Спустя еще час мне было совершенно ясно, что путь наш никогда не кончится. Мы будем вечно идти вдоль полосы прибоя, и сырая стена справа никогда и ни за что не отступит. Я успел трижды отчаяться и трижды смириться, когда Ларт вдруг встал как вкопанный. Я чуть было не налетел на него сзади.

Ларт встал лицом к отвесной скале, погладил ее ладонью и что-то сказал. «Ум-м!» — ответила скала, и в ней открылась черная вертикальная трещина.

Я отскочил так, что оказался по колено в море.

Ларт обернулся и поманил меня пальцем.

— Я обожду вас здесь, — сказал я бодро. — Мне неловко навязывать... — Тут здоровенная волна пихнула меня под зад. Я, теряя равновесие, пробежал несколько шагов вперед и, мокрый как мышь, обрушился к Лартовым ботфортам. Он взял меня за шиворот и впихнул в щель.

Внутри было совершенно темно и неожиданно просто. Ларт двинулся вперед в полном мраке, а я вцепился в него двумя руками, как в самое ценное свое сокровище. Щель у нас за спинами с грохотом сомкнулась.

Ларт, конечно, видел в темноте и уверенно тащил меня к хорошо ему известной цели. Вскоре во мраке подземелья прозвучал удивительно неуместный здесь скрип открываемой двери — и сразу стало светло.

Мы стояли посреди просторной прихожей, чем-то напоминающей Лартову, причем я уже успел изрядно наследить.

— Орвин! — крикнул мой хозяин. — Орвин!

Ответа не последовало. Я ежился — мокрая одежда липла к телу.

Не дождавшись приглашения, мы (Ларт впереди, я в отдалении) через длинный коридор прошли в комнату, служившую, по-видимому, гостиной. В центре этого огромного полупустого помещения стояло нечто, накрытое плотной черной тканью. Я решил, что это картина.

— Так, — сказал мой хозяин, потер пальцем нос, покусал губу, потом красивым длинным движением выхватил шпагу. Я охнул; Ларт шагнул вперед и кончиком шпаги сорвал ткань со странного предмета.

Это было зеркало. В нем отражались комната, Ларт, часть меня и некий темноволосый мужчина, в котором я узнал хозяйского знакомца по имени Орвин, или Орвин-Прорицатель.

Я отступил.

— Здравствуй, Легиар, — сказал Орвин из зеркала. — Прости, что не дождался тебя. Но сейчас каждая минута имеет значение. Я должен найти разгадку.

Он протянул там, в зеркале, руку — с руки свисала золотая цепочка, на которой болталась опять же золотая пластинка. Гладкая золотая пластинка величиной с крупную монету, со сложной, замысловатой фигурной прорезью в центре.

— Это Амулет Прорицателя, — продолжало отражение, — мой амулет, Легиар. Вчера его тронула ржавчина. Я не хотел верить. Сегодня ржавое пятно растет так быстро, как говорит об этом Завещание Первого Прорицателя, когда предупреждает о явлении Третьей силы. Той самой, в которую ты никогда не верил. Мой долг был предупредить тебя, Ларт, — и я предупредил. Теперь прощай — я должен выяснить, что и откуда нам угрожает. Желаю удачи — она нам понадобится. Прощай.

Отражение дрогнуло и растеклось, растаяло. В зеркале была только комната и Ларт — я благоразумно отошел.

Мой хозяин приблизился к зеркалу, внимательно на се-

бя посмотрел, извлек из кармана гребешок и тщательно расчесался.

— Ах, ты... — пробормотал он в замешательстве. — Клянись канарейкой... Дрянь, не верю...

Выскользнув из его руки, костяной гребешок раскололся на мозаичном полу.

* * *

Когда-то Руал Ильмарранен умел летать.

Теперь он с трудом мог в это поверить — так тянула его земля.

Земля издевалась над ним, плясала под ногами, как утлая палуба в шторм; земля не желала подчиниться и не желала отпускать. Дорога то и дело ускользала из-под прохудившихся подошв, подсовывая вместо себя гнилые ямы, рытвины и пни. Руал был близок к отчаянию.

Стуцалась ночь.

Незаметно подкрался и обступил Ильмарранена со всех сторон низкорослый, больной лесок.

Руал окончательно сбился с дороги.

— Очень глупо, Марран, — сказал он сам себе запекшимися губами. — Глупее исхода не придумал бы и мельник Хант!

Тут под его ногой подломился с треском трухлявый сук, и Ильмарранен рухнул в грудку истлевших прошлогодних листьев.

...До чего теплым был золотой песок на речном берегу, под обрывом! В песке этом ползали, обуянные азартом, двое подростков, а между ними — на утрамбованном пятчке — разворачивалось муравьиное сражение. Черными муравьями командовала Ящерица, а юный Марран — рыжими.

Полководцы припадали к земле, подхватывались на ноги, лазали на четвереньках, отдавая неслышные уху приказы покорным и бесстрашным «солдатам». Некоторое время казалось, что силы равны, потом рыжая армия Руала вдруг

беспорядочно отступила, чтобы в следующую секунду блестящим маневром смять фланг черной армии, прорвать линию фронта и броситься на растерявшуюся Ящерицу.

— А-а-а! Прекрати!

Муравьи уже взбирались по ее голым загорелым рукам. Она прыгала, вертелась волчком, стряхивая обезумевших насекомых. Черная армия распалась, потеряла управление, перестала существовать.

Марран сидел на пятках, утопив колени в песке, и улыбался той особенной победной улыбкой, без которой не завершалась обычно ни одна из его выходов.

— Ну, что ты теперь скажешь? Что тебе мешало выиграть на этот раз?

С ее языка готова была сорваться отповедь — и вдруг она нахмурилась, ей почудился кто-то наверху, далеко, над обрывом.

— Руал... По-моему, там Легиар... Может, нам лучше уйти?

Он сощурился:

— С чего бы это?

— Мы ведь на его территории... Может, он не любит, чтобы чужие приходили и колдовали у него под носом?

Марран потянулся, бросил насмешливо:

— Ты мне зубы не заговаривай! Сдаешься, не хочешь больше играть — так и скажи... Мне тоже надоело колдовать вполсилы... Ты же с тремя десятками муравьев справиться не можешь!

Девушка вспыхнула:

— Зато ты хвастаешься в полную силу и даже сверх всяких сил! Целуйся с муравьями своими!

Он смешно сморщил нос и протянул:

— Ну, целоваться я хочу с тобо-ой...

Следующие три минуты они возились, как щенки, на недавнем поле боя, хохотали и набивали полные рты горячего песка.

— И почему ты такой задавака, Марран, — говорила

СОДЕРЖАНИЕ

ПРИВРАТНИК. <i>Роман</i>	
Часть первая. ЯВЛЕНИЕ	7
Часть вторая. СКИТАНИЯ	42
Часть третья. ИСПЫТАНИЯ	103
Часть четвертая. ЗОВ	194
Часть пятая. ПОЕДИНОК	235
ХОЗЯИН КОЛОДЦЕВ. <i>Повесть</i>	279